

Карина Демина

Ведьмаки и колдовки

Хельтова дюжина красавиц

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Хельмова дюжина красавиц. Ведьмаки и колдовки / К. Демина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 524 с. — (Ненаследный князь).

ISBN 978-5-517-11878-3

Странные дела творятся в Цветочном павильоне. В зеркалах обитают призраки, да и сами эти зеркала ведут себя вовсе не так, как зеркалам положено. И красавицы все как одна с тайнами, кто проклята, кто одержима, кто и вовсе с беспокойниками дело имеет да Хельму проклятому поклоняется. И как Себастьяну понять, которая из них колдовка, ежели все подозрительны? Тут еще братец его родной с кровью волкодлачьей мешается, крысятник Гавел остатки репутации рушит, и ко всем бедам еще и королевич воспылал страстью к провинциальной панночке. А он к отказам непривычный...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11878-3

© К. Демина , текст, 2024
© Е. Матвеева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1. В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ О НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЕ ПАННОЧКИ ЯДЗИТЫ, А ТАКО ЖЕ О БУЙНЫХ СТРАСТЯХ И ЖЕНСКИХ ФАНТАЗИЯХ

У влюбленности и одержимости много общего. Но с одержимыми легче бороться.

Мысли опытного экзорциста, изложенные им в приступе откровения, случившемся после одного особо сложного дела.

Впервые Ядзита увидела мертвяка на свое десятилетие.

Следует сказать, что в доме дни рождения праздновать было не принято, но старая нянька, заботам которой поручили панночку Ядзиту, поскольку собственная ее матушка болела, а батюшка был слишком занят научными изысканиями, накануне заветного дня приносила в комнату охапки полевых цветов.

И прятала под подушкой подарки.

Резной гребешок, пусть и стоивший два медня, но все одно нарядный, или бусы из ракушек, которые Ядзита сама собирала на речушке, или еще какую-то мелочь.

На кухне готовили шоколадный кекс, маленький, для одной Ядзиты.

И нянька вносила его на серебряном старом подносе, пожалуй, единственной серебряной вещи, которая осталась в старом поместье.

...продали его много позже.

В тот день она проснулась до рассвета и лежала в постели, слушая, как заливаются за окном соловьи. Солнце наступало с востока, золотило небо.

Дышалось легко и свободно.

— И чего валяешься? — поинтересовался кто-то.

— Хочу и валяюсь, — ответила Ядзита, зевая. Но в кровати села, прищурилась, силясь разглядеть того, кто тайком пробрался в ее комнату.

— Этак вся ночь пройдет, — он, точнее она, и не думала прятаться.

Сидела на стульчике, спину выпрямив, ручки на коленках сложив, и что за беда, если эти коленки костлявые сквозь саван просвечивают, а сам саван, полупрозрачный, истлевший, растянулся по полу.

У незнакомки было бледное лицо с черными провалами глаз, и губы синюшные...

Ядзита закричала.

И лишилась чувств, а когда пришла в себя, то светило солнце, а у кровати ее, уткнувшись в старую записную книжку, сидел отец.

— Очнулась? — он произнес это недовольно, так, что Ядзите разом стало стыдно, что обмороком своим и болезнью — а Ядзита чувствовала себя невероятно больной — она оторвала отца от работы.

Над чем он работал, она не знала.

Отец запирался в южной башне, появляясь лишь к ужину и то не всегда. Но и ужины эти проходили в тягостном молчании. Мама вздыхала. Он листал очередной фолиант или вот эту самую записную книжку, которую и теперь держал в руках. Ядзите вменялось есть быстро, молча и не мешая родителям.

— И жар спал, — сказал отец, опустив на лоб Ядзиты ладонь. Широкая и темно-красная та показалась неимоверно тяжелой. Ядзита даже испугалась, что если отец немного надавит, то голова ее треснет. Но он руку убрал и брюзгливо поинтересовался: — Чего ты испугалась?

— П-призрака... я п-призрак увидела...

— И что? — этот голосок она узнала. Девочка в платье-саване сидела на прежнем месте, но теперь в руках она держала любимую, а точнее единственную куклу Ядзиты. — А я увидела человека. Но не ору же...

— Она... она...

Отец повернулся к девочке и, поморщившись, бросил:

— Клео, иди погуляй...

...так Ядзита узнала, что видеть мертвяков — это дар такой.

Редкий.

Наследный.

Отец рассказывал скупое, раздраженное, мыслями пребывавшее где-то далеко, наверняка, в Южной башне.

— Нечего бояться. Они тебя не тронут, — сказал он напоследок и, захлопнув книжицу, добавил. — И вообще детям нужны друзья.

Он наклонился, запечатлев на лбу Ядзиты холодный поцелуй, и ушел. А она сидела в кровати и думала, что, конечно, друзей хотелось бы... но не мертвых же!

— Тук-тук, — Клео стояла на пороге. — Можно войти?

— Входи.

Не то, чтобы теперь Ядзита вовсе ее не боялась, скорее... скорее уж чувствовала, что вреда ей и вправду не причинят.

— А кричать больше не будешь?

— Не буду.

Вскоре Ядзита поняла, что мертвые друзья мало в чем уступают живым...

— Семейное проклятие, — она сидела, позволяя Себастьяну расчесывать тяжелые гладкие волосы. — Моя прапрапрабабка была колдовкой... служила Хельму...

Она рассказывала просто, спокойно, будто бы не было ничего-то особенного в том ее детстве, в играх с мертвецами, в подвалах, где стояли Хельмовы камни, потемневшие от крови, намоленные...

...о жуках, которых сама Ядзита приносила, нарушая запрет.

...о драгоценном кинжале, что лежал на жертвеннике, и даже отец, распродавший ради таинственного своего изобретения все ценное, не посмел тронуть рубины в рукояти.

...о лезвии, касавшемся кожи нежно...

...о дареной крови...

— Меня никто не вынуждал. Не просил. Не заставлял, — Ядзита склонила голову к плечу, она разглядывала свое отражение в зеркале с той же безмятежной улыбкой, к которой Себастьян успел привыкнуть. — Я просто знала, что должна поступить именно так. Камни давно остыли. Отец подвалов избегал. теперь я думаю, что он боялся. Мать... была другого рода. А бабка умерла за долго до моего рождения.

— Ужас какой, — вполне искренне сказала панночка Тиана, перехватывая тяжелые золотые волосы лентой.

— Да нет... просто привыкнуть надо.

Себастьян не сомневался, что с мертвыми друзьями без привычки управляться сложно.

— Некогда наш род на все королевство славился. Берри рассказывал... это...

— Призрак.

— Беспокойник, — поправила Ядзита и тут же пояснила. — Призраки бесплотны и зачастую разума лишены... это след от человека на ткани мироздания. Со временем след затирается, тает. А беспокойники разумны. И способны воплотиться. Клео вот вечно мои ленты тягала и еще нитки путала. Ей это веселым казалось. Беспокойники остаются, когда душа не хочет уходить. Матушка Клео сильно над ней убивалась и этими слезами к земле привязала. Берри жена отравила, которую он любил без памяти... всякое случается. Прежде-то мы аккурат находили таких вот беспокойников и помогали им отыскать дорогу...

— Упокаивали.

— Верно. Упокаивали. Берри меня многому научил. Еще Марта... и Люсиль... она очень нервная девушка была, крысиным ядом отравилась от несчастной любви. Потом жалела очень, тем более, когда через двадцать лет эту самую любовь увидела...

Себастьян кивнул, думая, что собственное детство, пусть проведенное вдали от семьи, было вполне себе счастливым.

— Что было дальше?

— Ничего, — Ядзита пожала плечами. — Я росла. Время от времени подкармливала хельмовы камни. Отец по-прежнему сидел

в башне, изобретал. Мама умерла. Нянечка тоже, но они совсем умерли, то есть...

— Я поняла.

— Хорошо. Поместье постепенно хирело... денег не было. Их никогда-то не было, но отцу вдруг понадобились для его изобретения алмазы и он меня продал. Ах, простите, выдал замуж... за- платили неплохо. Мне даже гардероб справили...

— Но жених до свадьбы не дожил.

— Увы... сердце слабое оказалось, — Ядзита вздохнула...

...само не выдержало? Или же беспокойники дружескую услугу оказали? Себастьян не стал задавать лишних вопросов.

— Потом продал снова... и на конкурс вот отправил... — она провела ладонью по зеркальной глади, которая пошла мелкими складками. — Ему... сделали хорошее предложение.

— Кто?

— Не знаю. Он принимал гостей в своей башне, а туда беспокойникам хода нет. Меня в тот вечер из дому отослал... глупый какой-то предлог, я еще подумала, что он опять эксперимент ставит. Как-то на его эксперимент гроза разыгралась, и вторую башню почти начисто молнией снесло. Я не стала спорить, ушла. А потом Клео рассказала про карету и про то, что к карете они и близко подойти не сумели. Отец же заявил, что я должна участвовать в конкурсе, что выиграю...

Она замолчала.

Руку Ядзита от зеркала отнимала медленно, и тонкие нити стекла тянулись за ладонью.

— С ним сложно спорить. Он не сильнее меня, и силу-то использовать не любит, но... я еще подумала, что конкурс — это мой шанс. Найти мужа... или хотя бы покровителя... кого-то, кто... беспокойники — близкие мне люди, но все-таки мертвые они.

Нити разорвались и втянулись в зеркальное полотно, рука же Ядзиты осталась чистой.

— Но когда я сюда попала, то... это место — большой погост... и беспокойников здесь множество, я слышу, как они зовут... и хотела поговорить еще в первую ночь.

— Не отзывались?

— Отозвались, но не пришли. Держат их... она держит.

— Кто?

— Откуда ж мне знать? Она сильная... очень сильная... и из меня силы тянет. Отец опять меня продал, — сказано это было с легкой печалью, словно бы Ядзита вовсе не удивлялась этакому его поступку. — Ей нужен мой дар... а я хочу жить.

— Сколько еще продержишься?

— Недели две... наверное... но все случится раньше.

— Откуда...

— Я ведь слышу, что они шепчут... а когда идет, то замолкают. Ищи на четной стороне.

Хорошая подсказка. Четная сторона. Габрисия, Мазена и Эржбета... еще Иоланта...

— Откуда она узнала про твой дар?

Ядзита вздохнула и, вытянув руку с белыми синеватыми ногтями, призналась:

— Думаю, она не знала точно, предполагала. Раньше-то род известный был... — она смотрела на Себастьяна, и он готов был поклясться, что Ядзита видит насквозь маску, и под незамутненным взглядом синих очей та тает...

— Дымка, — сказала Ядзита, опустив очи долу. — Если приглядеться хорошенько...

— Ты пригляделась?

— Теперь — да.

— А прежде?

— Прежде? — она лукаво улыбнулась. — Я же говорю, здесь полно беспокойников... им о многом говорить запрещено, но... ты — не многое.

Твою ж...

— К слову, если тебе, конечно, интересно, то... Богуслава одержимая... а Иоланту, похоже, прокляли.

...вот тебе и красавицы... чтоб их...

— Идем, — Ядзита открыла дверь. — Не стоит заставлять старую стерву ожиданием мучиться...

— Почему стерва?

— Потому... или думаешь, она не понимает, что здесь происходит? Понимает... и Иолу не так просто первой на часы поставила...

Тиана придержала красавицу за локоток и мягко поинтересовалась:

— Ночью где гуляла?

— В саду, — Ядзита не стала притворяться, будто не понимает, о чем речь. — Меня... попросили...

— Кто?

— Беспокойник... нет, он не из этих... он к дому отношения не имеет, но... иногда хочется поговорить с кем-то. И чтобы цветы подарили. И под луной пройтись... просто пройтись... понимаешь?

Себастьян кивнул, хотя от понимания, говоря по правде, был весьма далек. Мертвые ухажеры? Быть может, после мертвых друзей это и нормально, но...

— Габрусь — просто прелесть... хотите, я вас познакомлю?

— Воздержусь, — ответил Себастьян, а Тиана согласилась.

В ее Подкозельске покойники вели себя прилично, лежали в могилах, а не охмуряли провинциальных некроманточек...

...надо будет Аврелию Яковлевичу сказать.

...и про беспокойника тоже.

Не королевская резиденция, а смутный погост какой-то...

...проснулась Евдокия ближе к полудню.

И вспомнила.

И простынь натянула по самые брови, потому как предаваться самокопанию вкупе с моральными терзаниями под простыней было удобней.

Вот же...

...случившееся ночью теперь казалось чем-то далеким и совершенно невозможным.

Неправильным!

Минут пять Евдокия разглядывала ту самую, натянутую поверх головы простынь, уговаривая себя, что ничего-то ужасного не приключилось...

...подумаешь...

...ей двадцать семь, а скоро и двадцать восемь будет...

...а она тут страданиям предается... и главное, что страдаетя-то неохотно. Солнышко сквозь простынь светит, птички за окошком надрываются... день новый, радостный... а она развалилась, пузыри пускает, ладно бы и вправду девицей была, а так...

Чего страдать?

Нечего.

И Евдокия решительно встала.

...о кольцо она не сразу вспомнила, а вспомнив, удивилась тому, что кольцо это впору пришлось. Сидело на пальце, что влитое, знай себе, камнем подмигивало.

Евдокия камень потрогала: теплый. Заговоренный что ли?

...а все маменька с ее женихами...

Вот к чему приводит неумное родительское стремление дочернюю жизнь устроить!

Прохладная водица не уняла душевного волнения, породив новое беспокойство. Вернется Лихослав аль нет? Если колечко оставил, то вернется... небось, такими вещичками не разбрасываются... и что скажет? Как ему-то в глаза смотреть?

Ладно, если бы Евдокия себя соблазнить позволила, хотя и за это стыдно, приличные девицы так себя не ведут... нет, Евдокия давно уже смирилась, что неприличная... и вообще, ей бы мужчиною родиться... маменька вот тоже так говорила...

Небось, точно взялась бы за розги, а то и за ремень кожаный, крученный, им дурь из девичьей головы выбивая...

...и что он теперь думать станет?

Известно, что...

...распутная девка... гулящая... таким вот и ворота дегтем мажут, и окна бьют, и косы стригут, чтоб честных людей в заблуждение не вводили.

Евдокия замерла. Косы стало невероятно жаль. Единственная красота и той лишиться...

— Дуся! — Аленка, как обычно, вошла без стука. — С тобою все ладно?

— Все, — Евдокия решительно за косу взялась — нет, не резать, но заплетать.